

18+

На высоком берегу

Евгений
Селезнёв

Евгений Селезнёв

**На высоком берегу. Легенды
Нижнего Поволжья**

«Издательские решения»

Селезнёв Е. М.

На высоком берегу. Легенды Нижнего Поволжья /
Е. М. Селезнёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-697442-5

Это четвёртая книга автора, значительно дополнившая вторую книгу «На высоком берегу, на крутом...» (ранее опубликована отдельным изданием) новыми рассказами и фотографиями, где читатели найдут интересные сведения о жизни жителей левого берега рек Волга и Ахтуба.

ISBN 978-5-00-697442-5

© Селезнёв Е. М.
© Издательские решения

Содержание

◆ НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ, НА КРУТОМ. ◆	7
◆ ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ. ◆	10
◆ ЛЕГЕНДА О ЗУБНОЙ БОЛИ. ◆	15
◆ ЮНОСТЬ ЗАХАРА. ◆	19
◆ НОЧНОЕ КУПАНИЕ ПРИ ЛУНЕ. ◆	22
◆ ТРУДОВОЙ СЕМЕСТР. ◆	25
◆ КАСПИЙСКИЙ ТЮЛЕНЬ ТОШКА. ◆	28
◆ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ В ЛАТВИЮ. ◆	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

На высоком берегу Легенды Нижнего Поволжья

Евгений Михайлович Селезнёв

© Евгений Михайлович Селезнёв, 2026

ISBN 978-5-0069-7442-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕЛЕЗНЁВ ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Родился в августе 1960 года в городе Ахтубинске Астраханской области, как и несколько поколений моих предков, о жизни и быте которых очень мало информации.

Начать писать побудила, случайно попавшая в руки, юбилейная книга бывшего замполита. В ней обнаружил много ложных сведений о жизни предков, основавших селения и слободы по левому берегу Волги и Ахтубы, о земляках добродушно встретивших первых строителей государственных полигонов, делившихся с приезжими последним, что у них было.

Собирая сведения о жизни и быте своих родов, начиная с первых Ревизских сказок и архивного материала, узнал много интересного не только о жизненном пути предков, но и судьбах земляков. Поэтому решил поделиться этим, в виде небольших рассказов, сказаний и легенд. Большую помощь в поиске информации по архивам, мне оказал мой двоюродный брат Сергей, затративший много сил, времени и средств при работе в архивах не только Астрахани, Волгограда (Царицына), но и Саратова и Санкт-Петербурга.

Финалист премии «Писатель года» за 2023 год в номинации «Дебют», за 2024, 2025 годы в номинации «Реальные истории». Включён в сборник финалистов «100 писателей 2023 года». Финалист (лауреат) Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» за 2024 и 2025 годы. По итогам литературных премий имени Сергея Есенина «Русь моя» за 2024 и 2025 годы, «Наследие» за 2024 год стал финалистом.

По итогам международного конкурса детской литературы «Мост в будущее – 2026», в номинации «Короткая проза для детей, о детях и детстве», занял второе место.

◆ НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ, НА КРУТОМ. ◆

Река Мурня.

Захар стоял на высоком берегу речки, одном из притоков реки Ахтуба, где прошло его детство. На этом крутом косогоре, глядя на бегущие мимо волны, на шумящий на ветру лес за рекой, хорошо думается. Он вспоминал своих родных, соседей, знакомых, многих уже нет на этом свете. Наша жизнь только кажется долгой и длящейся бесконечно, но что наша жизнь по сравнению с историей края, историей малой Родины? Песчинка на горизонте событий!

Много веков Волга и её многочисленные притоки несёт свои воды к седому Каспию. Зародившись под тающей массой огромного ледника, она понесла свои воды с высоты Русской равнины, заполняя прогибы земной коры и низменности. Огромные массы пресной воды, согласно закону Кориолиса, устремились в юго-западном направлении, чтобы совместно с тысячами таких же потоков смешать свои воды с водами Мирового океана.

Так образовалось Азовское море, на северо-восточных берегах которого ещё можно обнаружить остатки старой дельты реки и пунктиры старого русла в степях западнее нынешнего русла Волги в виде вытянутых озёр с солёной водой. Каждую весну талые воды заполняют остатки старого русла реки, образуя многочисленные лиманы, летом превращающиеся в пастбища.

Ледник тая, меньше давил своей массой на плиту Русской равнины, произошёл её подъём. В юго-восточной части равнины, образовался глубокий прогиб земной коры, который охватил не только акваторию древнего моря, где теперь расположен Каспий, но и всю Прикаспийскую низменность. Благодаря тектоническим изменениям в районе Волжского, река резко изменила своё направление и устремила свои воды в сторону Балаханского озера, расположенного на месте нынешнего Южного Каспия.

Воды Волги и других крупных рек заполнили природную чашу, образовав Акчагыльское море, протянувшееся от гор Жигули до северных границ Ирана, объединив в единый водоём Каспий и Аральское море. С уменьшением объёмов поступления тающих вод, уменьшалась и площадь моря, названное в последствии Хвалынским морем. В конце концов, оно отсту-

пило, освободив обширные степные просторы, заполненные глубокими осадочными породами, с остатками соляных озёр тут и там.

Бурно разросшаяся растительность, в сочетании с тёплым климатом, образовали обширные пастбища, на которые устремились кочевники с несметными стадами животных. Стали образовываться караванные пути, на месте торговых площадок, где осуществлялся обмен товарами, стали образовываться посёлки, слободы и города.

Волга постепенно углубляла своё русло, разделившись у современного Волгограда на саму Волгу и её проток Ахтубу, образовала Волго-Ахтубинскую пойму и дельту Волги. Пойма и дельта реки является своеобразным оазисом посреди засушливой степи, куда веками стремились люди для поселения.

Учитывая сезонное колебание уровня рек, люди старались селиться не только на правом – высоком берегу, но и по левому берегу поймы с не менее высоким береговым обрывом. Именно здесь были заложены в древности первые города Золотой Орды – Сарай-Бату и Сарай-Берке. В нижней части реки Волга, на перекрёстке торговых путей, расположился древний город Итиль.

После упадка и разгрома Золотой Орды, эти земли стали осваиваться Русью. Первые казацкие кордоны заходили сюда на непродолжительное время, несли здесь Прикордонную службу. Часть земель были пожалованы помещикам и князьям за доблестную службу государю, часть было отписано монастырям и в казну.

Многочисленные остатки древнего моря, испаряясь, образовали многометровые залежи самоосадочной соли. Процесс этот продолжается до сих пор. Соляной купол под озером Баскунчак выдавливает на поверхность осадочные породы Пермского периода, отчего местность у растущей каждый год горы Большое Богдо, очень сильно напоминает поверхность планеты Марс из-за красного цвета глины вокруг горы.

Толчком появления населённых пунктов в луговой части реки Ахтубы послужило открытие в 1747 году Эльтонского соляного прииска, который изобиловал залежами пищевой самоосадочной соли. После начала разработки соляных промыслов, вначале на озере Эльтон, а потом и на озере Баскунчак, образовались слободы возчиков соли. Соль была включена правительством в программу продовольственной безопасности Российской империи. Соль нужна была не только для внутреннего рынка, но и для продажи за границу.

Так уже на карте межевания Царицынского уезда Саратовской губернии за 1780—1790 год указано селение с домами на берегу реки Подстёпка слобода Капустин Яр, образованная по плану генерального межевания в 1778 году. Образование слободы и других поселений происходило не спонтанно, а под управлением и руководством государства.

Для выполнения этой задачи на основании сенатских указов было разрешено переселение государственных крестьян изъявивших желание заниматься солеизвозом и ломкой соли из других губерний, с предоставлением земельных наделов для жилья, земледелия и выпаса скота в образованных поселениях.

Кроме того, крестьян освободили от всех государственных и рекрутских повинностей, для перевозки соли с мая по октябрь ежегодно. Но было нужно за счёт своих сбережений приобрести пару волов или лошадей и телегу. Телегу необходимо было делать крытой, чтобы ветер не разносил, а дождь не мочил драгоценную соль.

Чумакам разрешалось рубить лес для ремонта телег без дозволения волостного управления, кормить скот на лугах им не принадлежащих, а оплату за извоз и ломку соли производили из государственной казны. При этом лентяем и саботажников, не выполняющих своих обязательств, принудительно определяли в ломщики соли или сразу отправляли в солдаты.

Массовые переселения государственных крестьян, войсковых обывателей, однодворцев на свободные государственные земли для возки соли привели к образованию новых поселений в этих местах. Слобода Володимировка (Владимировка, позже город Ахтубинск), получившее

название от острова Володимировский на Волге, затона и реки под тем же названием, указанные в Атласе Российской империи 1747 года по Астраханской губернии. Слобода Царёвка в 1777—1778 году по названию места Царёвы Пади (руины поселения Сарай-Берке), позже переименован в уездный город Царёв. Слобода Николаевская Капустин Яр в 1777—1778 году имела два названия по названию места, откуда пришли первые поселенцы и садчика Капустина.

Садчиком называли человека, обладающего хорошими организаторскими способностями, сажающего крестьян на землю, ему ставилась задача привести на выделенные наделы государственных земель крестьян и организовать поселение. Отставной казак с фамилией Капустин упоминается при охране Эльтонского прииска, который хорошо знал луговую часть реки Ахтуба, дороги, ведущие из города Царицына и слободы Николаевской к месту нахождения слободы Капустин Яр.

Также садчик должен был хорошо знать место нахождения уездного правления, решать вопрос снабжения поселенцев продуктами питания на первое время. Организовывать поставки строительного материала для строительства жилья первых поселенцев. В документах уездного правления Царицынского уезда упоминается поручик Василий Парфентьевич Капустин, который с 1797 по 1804 год был главным казначеем.

Так прадеды Захара прибыли на крутые берега великой реки, которые здесь называют ярмом за высоту и крутизну обрыва. Многие из них, защищая свои слободы, селения и хутора пали защищая свои семьи от набегов степняков и шаек степных разбойников. Река же несла и несла свои чистые воды мимо селений, давая жизнь и пропитание поселившимся на берегах её людям.

Тысячи родственников и земляков Захара ушли из этих мест на защиту Родины в разные года и столетия. Много ли их вернулось обратно? В десятках войн погибло, пропало без вести, а ещё больше пострадало много родных и близких Захара. Стоя на краю крутого, высокого берега реки, вспоминал он свою жизнь и тех, кто в те времена был или жил с ним рядом.

Бесконечные часы времени сеют и сеют бесчисленные песчинки времени, состоящие из мгновений и событий. Конца и края им нет, как бесконечна жизнь на Земле. С возрастом стал замечать Захар, что время в этих часах всё ускоряет и ускоряет свой бег. События мелькают всё быстрее и быстрее, как кинолента при ускоренной перемотке. Только воспоминания способны вернуть нас назад, в запечатлённые нашим сознанием моменты.

◆ ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ. ◆

Начальная школа на краю Большого Извоза.

Незаметно прошло беззаботное лето, настала пора идти Захарке в первый класс. Так получилось в жизни, что довелось ему учиться в одной и той же школе Владимировки, но в трёх разных зданиях.

Первая Захаркина школа, где он проучился с первого по третий класс, располагалась в старинном двухэтажном здании рядом с его домом на противоположном краю Большого Извоза. Здесь не было спортивного зала, не было буфета, учительская размещалась в маленькой комнатухе, где с трудом поместились большой кожаный диван, книжный шкаф со стеклянными дверками, один небольшой стол и пара стульев. На шкафу стоял огромный глобус, а у шкафа стояли несколько рулонов свёрнутых географических карт.

По территориальному делению тех лет, Захар должен был идти в первый «В» класс, но классным руководителем там была учительница, мужа которой его отец, начальник уголовного розыска, привлекал к ответственности по уголовной статье. Так уж повелось, с давних пор, что все преступники «совершенно не виновны», сидят по тюрьмам зря, а во всём «виновны» те, кто задерживает и привлекает их к ответственности. В разговоре среди коллег своего круга, жена этого преступника и потенциальная Захаркина учительница пригрозила, что ничего, у них ещё младший сын придёт в мой класс, вот там я за всё рассчитаюсь.

Родителям Захара угрозы этой учительницы, конечно же, передали. Поэтому его родители приложили все усилия, чтобы Захар не попал в её класс, а был зачислен в другой – первый «Г» класс. Его должна была набирать молодая учительница Галина Васильевна, но первую четверть она была ещё в декретном отпуске. Первый раз Захарку встретила на школьной линейке

и привела в класс школы над Большим Извозом его соседка, учительница с большим педагогическим стажем Лидия Тихоновна.

Это она научила Захара и его одноклассников правильно сидеть за партой, правильно держать карандаш, а потом и перьевую ручку. Кроме перьевой ручки первоклашки тех лет, в специальных мешочках, носили с собой чернильницы-непроливайки. При этом в каждом классе в шкафу всегда стоял ящик с такими же чернильницами, которые вставлялись дежурными в специальные отверстия на крышке парты.

Прошло уже много времени, но Захар помнит его первую линейку. Все ученики средней школы построились на общей линейке у основного здания школы Владимировки, в районе Дома Культуры. Первоклашки были со своими родителями в новой школьной форме, девочки с огромными бантами, многие с букетом цветов, но испуганные как взъерошенные воробышки.

Линейку торжественно открыла тогдашний директор школы Анастасия Петровна. Человек с большой буквы, преданный своему делу, отличный педагог и организатор, не побоялась записаться в Москве на приём к Министру образования, где попросила для детей Владимировки построить новое здание школы, так как некоторые ученики старших классов, из-за нехватки помещений, вынуждены были учиться даже в третью смену.

После торжественной речи, первого звонка для первоклашек и окончания общей линейки, взявшись попарно за руки, Захаркины одноклассники пошли строем к зданию своей школы. Они ещё не знали друг друга, не знали, что их надолго жизнь свела вместе и им предстоит прожить, с кем восемь, а с кем и все десять лет рядом, часто помогая, поддерживая друг друга.

Был такой момент, что у Захаркиной одноклассницы Тани лопнул ремешок на туфельке, а так как он жил рядом, она попросила его помочь ей с ремонтом обуви. Разве мог он отказать, когда его родители всегда учили помогать другим, а особенно девочкам. Захар вёл Таню домой, а сам переживал – сможет ли ей помочь? Но на его счастье дома были его старшие братья, которые до сегодняшнего дня помнят это, они же и отремонтировали туфельку. Но долго шутили потом над Захаром – не успел в школу пойти, а уже девочку с собой домой привёл.

Таню воспитывала бабушка, которая была та ещё столичная «штучка». Её внучка ходила в школу с огромными бантами как паруса, гольфы с помпонами, юбочка в складочку. Только Таня росточком была маленькая, портфель чиркал по земле. Глядя на это, одна добрая тётенька, которая работала на пищекомбинате, часто доносила её портфель до проходной, а дальше Танюшка несла свой портфель сама.

Первые годы Захаркиной учёбы старое здание школы отапливалось дровяными печами. Они стояли круглыми колоннами, вмонтированными в стену так, чтобы отапливать сразу два соседних класса. На втором этаже над этими печами стояли ещё две такие же печи голландки и имели общие дымоходы. Как уютно было в классе, когда за окнами завывает вьюга, в печах тихо потрескивают горящие дрова, а учительница читает ученикам рассказы о природе, сказки или детские рассказы Аркадия Гайдара. Помните его рассказы «РВС», «Голубая чашка»?

Родители первоклашек активно принимали участие в жизни школы. Когда объявили, что нужно подготовиться к очередным праздникам и выступить классом на школьном мероприятии как отряд будёновцев, родители постарались от души. Захаркин старший брат вырезал из фанеры и раскрасил фигуру коня на палочке, отец из дерева изготовил почти настоящую шашку и такие же ножны для неё, мама сшила почти настоящую будёновку с красной звездой из старой шинели. Но случился казус: когда «отряд будёновцев» с песней о командире полка Щорсе должен был проскакать на лошадках с шашками наголо, Захарка никак не смог вытащить шашку из ножен, так как красили их незадолго до выступления, свежая краска склеила шашку с ножнами.

Многие одноклассники Захара жили в Северном городке, по дороге в школу зимой обязательно надо было съехать на портфеле с горки перед уроками. Снег набивался в портфель

и чернильные строчки в тетрадках растекались по страницам. Приходилось сушить тетрадки на печке-голландке перед уроками.

Позже сделали паровое отопление, топка разместилась в комнате для уборщиц, а топливом служил уже уголь. Кстати, в Захаркиной школе не было охранников, не было рамок, одна уборщица тётя Лида с тряпкой и шваброй отлично успокаивала любых хулиганов.

Четвёртый класс, Захар и его одноклассники, начали осваивать с первого сентября уже в двухэтажном здании у Дома Культуры с новым классным руководителем, любимой ими до сегодняшнего дня, Людмилой Васильевной. В этом здании уже был школьный буфет, в котором ученики могли купить на большой перемене стакан какао или чая и пирожки с капустой или повидлом.

Захар помнит, как его одноклассницы Наташа и Татьяна, в ожидании звонка на перемену, непрерывно смотрели на часы и находились на «низком старте». Стоило прозвенеть звонку и учителю сказать: «Урок окончен», как они пулей бежали в буфет занимать очередь.

При этой школе уже был спортивный зал, показавшийся Захару таким огромным, были мастерские для трудов для мальчиков и кабинет домоводства для девочек. Один год мальчишки осваивали столярное дело, а другой год слесарное дело. Не знаю как кому, а Захару это очень помогало в жизни. Он привык все работы по дому выполнять сам, в чём ему помог, полученный в школьные годы, навык работы с различными инструментами.

Уже в те годы, Захару понравилась одна очень симпатичная его сверстница из параллельного класса. Чтобы чаще быть рядом, он даже согласился посещать танцевальный кружок, хотя танцевать не любил, а позже стал посещать радиокружок в Доме пионеров, где эта девочка продолжала танцевать с группой своих одноклассниц.

Здание новой школы, было построено, туда завезли новое оборудование, новую мебель и в 1974 году все ученики школы въехали туда в начале учебного года 21 сентября. Новую школу строили те же строители, которые чуть раньше возвели аналогичное здание для филиала Московского Авиационного Института, проект только максимально удешевили, так как школа возводилась вне плана по настойчивой просьбе директора Анастасии Петровны.

Территорию вокруг новой школы ученики облагораживали сами, так как строители не успевали всё построить в срок. До самого окончания учёбы Захара здесь, строители что-то достраивали, перестраивали, перedelывали. По сравнению со старым зданием школы, новое здание было просто огромное. Большой спортивный зал с отдельными раздевалками, был кинозал, актовый зал, отдельная школьная столовая с полноценным буфетом, классы трудового обучения. Даже медицинский кабинет с добродушной медицинской сестрой ожидал учеников на втором этаже. Оборудование химического, физического и биологического кабинетов не шло ни в какое сравнение с аналогичными классами в старой школе.

Учительский коллектив, за все годы учёбы Захара, был очень сильный и почти все учителя старались передать ученикам свои знания, не считаясь с личным временем. Благодаря таким учителям Захар досконально знал такие предметы как химия, физика, математика. Химию ему довелось сдавать при поступлении в институт профессору, заведующей кафедрой, она знания Захара оценила очень высоко, поставив в оценочный лист твёрдую пятёрку.

Хороших учителей из школы Захара всегда старались переманить в школы военного городка, лучшими условиями работы, более высокой оплатой. Некоторые соглашались и уходили из школы, но некоторые наоборот возвращались обратно. Об уходе каждого хорошего учителя одноклассники Захара сожалели, но приходили новые учителя, молодые после учёбы и оказывались даже лучше ушедших из их школы.

Одним из таких учителей был заведующий учебной частью Юрий Алексеевич. Перейдя вначале в одну из школ военного городка, он вернулся обратно, организовал и много лет возглавлял движение юннатов, при нём был организован и много лет существовал школьный струнный оркестр. Для этого оркестра была собрана уникальная коллекция струнных инстру-

ментов: мандолины, гитары, балалайки, трещотки. Уже после окончания учёты, в 1984 году Захар был неприятно поражён когда, по работе оказавшись в одном из подвалов нового здания школы, среди мусора и сырости, обнаружил почти всю эту уникальную коллекцию с разбитыми деками и порванными струнами.

Замечательным учителем был в школе Захара ещё один отличный преподаватель – Михаил Фёдорович. Действительно настоящий педагог, никто никогда не видел его кричащего на учеников, всегда выдержанный, спокойный, никогда не повысит голос при разговоре с учеником. На выпускном экзамене по математике Захар быстро решил свой вариант задания, чтобы зря не сидеть без дела целый час, стал решать и второй вариант задания. Михаил Фёдорович, проходя вдоль ряда парт и увидев, что Захар решает не свой вариант, очень напугался за него и был поражён, что он решает оба варианта. Захар за этот экзамен получил оценку отлично по решению всех членов комиссии.

С учителем русского языка и литературы Маргаритой Александровной у Захара как-то не сложились отношения сразу. Почему-то она его невзлюбила, часто откровенно занижала оценки. За одну и ту же ошибку в тексте диктанта ему ставила тройку, а его соседке по парте четвёрку или даже пять с минусом. По другим предметам у Захара были в основном только пятёрки. Захару это откровенно надоело к девятому классу, честно сказать на эти предметы он, поэтому плюнул и перестал стараться. Это Маргариту Александровну, очевидно, обрадовало, она торжественно вывела ему в аттестате тройку. Но Захару было уже всё равно. Он полностью потерял интерес к её предмету.

Перед самым выпускным вечером мама Захара сильно разволновалась, часто плакала от радости, младший сын закончил учебное заведение уже после смерти отца, от излишнего волнения у неё случились печёночные колики, дал о себе знать огромный камень в жёлчном пузыре, её на скорой помощи увезли в больницу.

Душевное состояние Захара было ужасным. Все одноклассники идут на выпускной вечер с родителями, где будут веселиться до самого утра, а ему что там делать одному? Захар не один раз благодарил судьбу за друзей, которые были в его жизни рядом. Его школьный друг Борька из параллельного класса зашёл за ним, уговорил всё же идти на выпускной вечер и всё время был рядом. Хороший был друг, к большому сожалению, погиб на последнем курсе училища, утонул в день своего рождения при прохождении производственной практики, тело так и не нашли.

После торжественной части, после вручения аттестатов, в спортивном зале родители накрыли для выпускников столы с различными угощениями. На сцене играл школьный оркестр, все веселились и мечтали о своей дальнейшей жизни, строили планы на будущее.

Захар немного развеялся, жизнь уже не казалась такой жестокой и тут к нему подседа Маргарита Александровна. С лёгкой издёвкой и ухмылкой она спросила его, куда же это он собрался поступать с тройкой по русскому языку. Честно сказать, в тот момент ему хотелось ей нагрубить, сказать что-либо обидное, но он для себя решил – этим я её только позабавлю.

Может быть поэтому, Захар назвал её поступил с первого раза вначале в один технический институт, после окончания, которого и обязательной отработки поступил и успешно окончил второй технический институт уже по другой специальности. Вредность Маргариты Александровны побудила его собрать свою волю в кулак, поверить в свои силы и преодолеть трудности, возникавшие на его жизненном пути.

По окончании праздничного вечера все выпускники со своими учителями пошли на автодорожный мост – встречать рассвет. Было такая традиция в нашей юности. Здесь выпускники встречали рассвет и прощались со своими, ставшими уже родными, учителями и одноклассниками.

Уже следующим вечером Захар вдвоём с одноклассником уехал поездом в Астрахань, в своё будущее, подавать документы для поступления в институт. Так закончились его школьные годы, наступила пора юности.

◆ ЛЕГЕНДА О ЗУБНОЙ БОЛИ. ◆

Больше всего в своей, довольно продолжительной жизни, Захар боялся лечить зубы. Печальный опыт этих страхов он получил в далёком детстве. Но расскажу всё по порядку.

Стоматологический кабинет во Владимировке вначале располагался в небольшом финском домике по улице Пролетарской, напротив ещё одноэтажного тогда здания милиции, рядом с Центральным парком. В первые годы жизни это никоим образом не коснулось Захара. Был в этом заведении он, кажется не более одного раза.

Чаще всего он тогда посещал в сопровождении мамы детскую поликлинику, размещавшуюся в полуподвальном, тесном помещении, двухэтажного особняка, на пересечении улиц Ленина и Гагарина. Когда-то этот особняк принадлежал приказчику Старикову, это здание сохранилось до сих пор. В разное время там размещались разные организации и магазины, теперь выставлено на продажу.

Перед тем как пойти Захару в школу, по Владимировке прошла новость, что построено и введено в эксплуатацию новое пятиэтажное здание районной поликлиники у базарной площади. По тем временам, это здание считалось шикарным, высокое, из красного кирпича, с множеством окон.

Одна беда, что построили его строители с центральным выходом прямо на дорогу по улице Чкалова, поэтому посетители пользовались для прохода запасным выходом, с обратной стороны здания. Там был небольшой дворик, граничащий с забором детского сада и городской пожарной частью.

Там можно было оставить у дверей подъезда детскую коляску, а не выпадать из центрального входа прямо под колёса движущемуся транспорту. Внутри нового здания поликлиники были очень узкие коридоры, ширину которых уменьшали почти наполовину установленные вдоль стен стулья для посетителей. Очень тонкие двери кабинетов делали посетителей участниками и сопереживателями процесса общения врача и посетителя.

Ранее Захар о проблемах с зубами и о зубной боли не знал почти ничего, ну если только: «мышка хвостиком махнула и выпал молочный зубик», который можно было носить на верёвочке и показывать друзьям. Это было беззаботное и счастливое время.

Посещая с родителями родственников в соседнем селе, Захарка с большим интересом, но и с неопишуемым страхом, особенно в первый раз, рассматривал съёмные зубные протезы деда в стакане с водой. Ему казалось, что сейчас они выпрыгнут из стакана и непременно вцепятся прямо к нему в горло. Он даже инстинктивно потёр рукой шею и в эту ночь спал очень беспокойно. Ему снился ночной кошмар о приключениях с зубами из стакана, он куда-то убегал от них и звал старшего брата.

Как ни старались мама с дедом успокоить Захарку, но спокойно находиться в комнате, где зубные протезы плавают в стакане, он отказывался напрочь. Всё время прятался за спину матери и изредка выглядывал оттуда, чтобы убедиться – в стакане ли ещё зубы или уже устроили охоту за ним.

Дома у второго деда было проще, у того вообще на весь рот был только один зуб, о чём он даже не заморачивался. Ел только мягкую пищу, пил чай с вареньем, да рассказывал небылицы. После расформирования Ивангородского пехотного полка, как участник знаменитой Нарочской операции, он был призван на службу новой властью и по служебным обязанностям оказался среди просторов заснеженной Якутии.

Скудный рацион послереволюционного времени способствовал повальному заболеванию личного состава цингой. Дед Захара очень тяжело мучился острой и ноющей зубной болью. Глядя на его мучения, старая местная шаманка однажды позвала его с собой во временную берестяную юрту – урасы.

Пригласив его сесть на расстеленную, на полу юрты, оленью шкуру, она принялась готовить какой-то настой из местных трав и корней, напевая и нащёптывая при этом какие-то заклинания. Затем, откинув шкуру, закрывающую вход в юрту, посмотрев на Луну, сказала, что именно в эту ночь деду могут помочь духи Земли избавиться от зубной боли.

Деду уже было всё равно, от непрекращающейся, нудно ноющей боли гудела уже вся голова, размыкание дёсен вызывало острую боль в обеих челюстях. Он был уже готов на всё, только чтобы боль отпустила его хоть на минуту.

Не переставая напевать свои заклинания, старая шаманка подошла к деду сзади и положила свои горячие ладони ему на щёки. Пропев какое-то заклинание, она дала деду отпить из миски приготовленный ею отвар. Дед должен был некоторое время держать его во рту, а затем проглотить. Так нужно было сделать несколько раз. Вначале резкая боль заставила деда громко охнуть, но потом боль постепенно начала затихать.

Старая шаманка, продолжая греть его щёки своими ладонями, читала одно заклинание за другим. Через некоторое время, в голове деда стал наступать лёгкий туман, а шаманка взяла в руки бубен и ударила в него несколько раз. Звук бубна отозвался в голове деда непривычным для него звуком, боль уже почти ушла, перед глазами заплясали в отблесках языков пламени очага какие-то тени.

Звук бубна был всё глуше и глуше, затем он слился в почти единую ноту, теней на стенах юрты становилось всё больше и больше, пламя очага взметнулось почти к самому верху юрты, искры от костра сливались со звёздами на небе, видимыми через отверстие вверху юрты. Последнее, что зафиксировало создание – это огромная Луна, будто возникшая перед лицом деда.

Очнувшись на одном из лежаков в юрте, дед обнаружил, что зубная боль, мучавшая его сутками напролёт, совершенно ушла. Старая шаманка стояла, склонившись над очагом, и наливала из котла в миску какую-то вкусно пахнущую похлёбку. Протянув миску деду, шаманка улыбнулась ему в ответ на слова его благодарности, предупредила его, чтобы он теперь слушал предупреждения духов Земли, и тихо вышла из юрты. Дед впервые за долгие месяцы смог поесть пищу, не мучаясь от боли в зубах.

С тех пор зубная боль больше совсем не беспокоила деда. Но при этом зубы удалялись сами собой, как потом заметил дед, перед важными изменениями в его жизни. Сам собой, раскачавшись совершенно без боли, выпал коренной зуб перед тем, как дед прочёл в газете Постановление о коллективизации, после которой семья лишилась почти всей домашней скотины и земельного надела.

Следующий зуб выпал, перед внезапной смертью во время родов жены, оставившей ему двух девочек близняшек. Очередной зуб покинул своё место перед тем, когда он случайно порезав стеклом ногу в реке, не придав этому значение, ногу пришлось отрезать хирургам из-за начавшейся гангрены.

Видимо так духи Земли предупреждали деда о надвигающейся беде, но некому было ему растолковать суть этого предупреждения. Зуб долой, пала семейная кормилица корова, пасущаяся теперь на неудобьях и съевшая какую-то ядовитую траву. Следующий выпавший зуб озаменовал начало Великой Отечественной войны.

Когда Захар впервые увидел своего деда, во рту у деда уже оставался только один зуб, который торчал также одиноко, как одинокий тополь на большаке. Но дед продолжал улыбаться жизни всю ширь его беззубого рта, назло всем невздам и лишениям его продолжительной и нелёгкой жизни.

Поэтому Захар и согласился перед школой посетить кабинет стоматологии в выстроенном здании новой поликлиники, помня о зубах в стакане одного деда и беззубый рот второго. Перспектива выглядеть также его не прельщала. Если бы он только знал, что его ждёт впереди!

Отстояв длинную очередь в тесном коридоре, каждый раз замирая от ужаса из-за звуков, доносившихся сквозь тонкую дверь кабинета, просто немея от дикого ора очередного пациента и грубых выкриков врача, Захарка с трясущимися поджилками вошёл в кабинет.

Взору его предстал довольно тесный кабинет с одним окном, напротив которого возвышалось кресло, почему-то с одним подлокотником. Напротив второго подлокотника торчала металлическая тарелка с дыркой посередине, заплёванная кровавой слюной и мокрыми ватными тампонами. Рядом с креслом возвышалось какое-то настоящее орудие пыток с различными блестящими колёсиками, верёвочками и длинным шлангом с непонятным набалдашником на конце.

Но самым главным и страшным украшением этого кабинета был сам стоматолог, больше похожий на рубщика мяса с соседнего рынка. Тот же застиранный и окровавленный халат, правда, когда-то белого цвета, рукава халата по локоть закатаны на больших волосатых руках, такое же небритое, с грубым выражением лицо.

Молча кивнув в сторону кресла, врач взял в обе руки какие-то блестящие и пугающие инструменты. Грубо приказав Захару открыть рот, он впился одним из инструментов прямо в десну, отчего мальчишка дико заорал. Громко обругав его, врач высказал мальчишке:

– Ты чего орёшь, ты же не девчонка, поэтому молча терпи.

Заглянув опять в открытый рот, немного покопавшись там, причинив опять боль, выдал своё заключение – рвать два зуба.

От этих слов, сердце мальчишки упало ниже пяток, а врач стал невозмутимо готовить огромный, как показалось Захару шприц, с такой же огромной иглой.

– А у Вас поменьше иголки нету? – панически заблеял Захарка.

– Чего нет, того нет. Радуйся, что новокаин свежий, а то бы орал как стадо бизонов! Ты смотрел фильм про индейцев? – ответил врач.

– Смотрел, но бизоны там не орали, – ответил мальчишка.

– Ну, тогда открывай рот по шире и не ори, а то я от ваших криков уже оглох совсем! И зачем я пошёл учиться на стоматолога? Сидел бы себе в женской консультации и смотрел бы на мир с другой стороны! – чему-то улыбнувшись, посетовал врач.

Игла, казалось, насквозь пронзила рот Захарки вместе с челюстью, но мальчишка крепился, как мог и только громко стонал. Сидеть на жёстком кресле было неудобно, Максим заёрзал на нём. В это время врач случайно наступил ногой на педаль бормашины, отчего колёсики и верёвочки пришли в движение, всё орудие пыток страшно загремело, а шланг с набалдашником бешено завращался. Мальчишка просто вжался в кресло.

Приоткрыв дверь, внутрь заглянула мама и спросила:

– Доктор, а может зубик ещё можно полечить?

– Закройте дверь! Я зубы не лечу, я их удаляю! Потом протезы вставит, и будут зубы как новые, да и болеть не будут. Ну, а если болеть будут, то пусть себе болят в стакане! – громко ответил врач и как-то ехидно улыбнулся.

Дальнейший процесс, Захар уже помнит слабо, помнит лишь резкую, хрустящую челюстью боль, свой дикий крик, от которого заложило уши даже у него, окровавленные ватные тампоны, кровавые слюны и долгое ощущение дырки в десне, которую он ещё долго ощущал языком. Практически без чувств он слез с кресла и на ватных не гнущихся ногах покинул стоматологический кабинет, буквально упав в объятия матери.

С тех самых пор Захар посещал стоматологические кабинеты только в исключительно экстренных случаях, когда уже терпеть зубную боль было нельзя. В его мозгу чётко отложились как живые картинки: зубы в стакане, одинокий зуб деда и грубый врач в забрызганном кровью халате с закатанными по локоть рукавами на волосатых руках. При сильных зубных болях, он иногда являлся Захару в ночном кошмаре, стоящий напротив, упёршись руками в бока и дико хохочущий.

Много воды уже с тех пор утекло. Стоматология шагнула далеко вперёд, но вместе с ней шагнули вперёд, увы, и цены на стоматологические услуги. Большинству населения нашей страны доступна, к большому сожалению, только перспектива «зубов в стакане» или нужно потратить целое состояние, сравнимое со стоимостью квартиры. Так что улыбается теперь Захар щербатым ртом и смотрит на текущие воды речки Мурни и вспоминает свою прошлую жизнь на берегах её. Хочу предупредить, что все совпадения в рассказе случайны, а образ Захара собирательный. Каждый может вспомнить свой первый визит к стоматологу и пережить его вновь в своих воспоминаниях.

◆ ЮНОСТЬ ЗАХАРА. ◆

Вступительные экзамены Захару не показались уж очень сложными, особенно после получения по первому профилирующему предмету – химии оценки отлично. На втором экзамене по математике отсеялось очень много абитуриентов, но Захар, благодаря классному руководителю, знал этот предмет довольно хорошо. Физику Захару пришлось сдавать очень въедливому преподавателю Юрию Моисеевичу – коварному, злопамятному, шуплому и прыщавому человеку с женским голоском, задачей которого было отсеять как можно больше абитуриентов.

Опрос по билету Юрий Моисеевич начал с фразы: «Так, так, молодой человек, а вы уверены, что верно выбрали институт? Может, я поставлю Вам два балла, и мы не будем мучать друг друга?». После пятнадцатого дополнительного вопроса, тщательного изучения оценочного листа с оценками предыдущих экзаменов, Юрий Моисеевич сдался и скрепя зубами вывел в оценочном листе четвёрку.

Незаметно наступил день рождения Захара, о котором кроме родственников вспомнил школьный друг Борька. Он, не поступив в военное училище, приехал в Астрахань поступать в речное училище, и тоже был на этапе сдачи вступительных экзаменов. Душевно было посидеть с другом в тени институтского парка, вспоминая школьные годы так быстро пролетевшие.

Помня слова Маргариты Александровны, Захар шёл на последний вступительный экзамен – сочинение вполне обыденно, как-то даже равнодушно, доверившись своей судьбе – чему быть, того не миновать. Сразу после окончания экзамена, собрал свои вещи и уехал домой, оставив рубль на телеграмму знакомому абитуриенту, который жил в одной с ним комнате общежития, где временно разместили поступающих.

Три дня ожидания пролетели как один час, и вот он – заветный момент, когда в дверь калитки постучал почтальон и крикнул: «Вам телеграмма, получите и распишитесь!». Волна смешанного чувства охватила Захара, здесь и радость, и страх с каким-то восторгом. В телеграмме всего несколько скупых строчек: «Четыре. Собрание абитуриентов через три дня».

Мама сразу в слёзы от радости за сына, а больше от осознания, что младший сын уже тоже уходит в самостоятельную жизнь. Братья, приехавшие в это время в отпуск, успокаивали её и хвалили Захара, сказали, что ни на минуту не сомневались в его успехе.

После собрания и оглашения списка поступивших абитуриентов по факультетам и группам, будущих студентов посадили в автобусы и направили на сельхоз работы в один из колхозов Лимана. Полтора месяца Захар и другие абитуриенты собирали на полях Караванного и Басов арбузы.

Учебный процесс для Захара начался с торжественного собрания всего первого курса, на котором абитуриентам вручили студенческие билеты и Зачётные книжки, теперь они стали полноценными студентами. Познакомившись со своими кураторами, новоиспечённые студенты разошлись по аудиториям, где кураторы ознакомили однокурсников Захара с правилами и особенностями обучения в институте. Им предстояло жить и учиться со студентами из других стран.

Первое время Захар жил у своих родственников, а через пару месяцев получил место и переехал в общежитие своего факультета. И студенческая жизнь захватила Захара по полной программе. Приближался праздник 7 ноября, по традиции каждый факультет готовил выступление своих студентов в актовом зале перед руководством института.

Так уж сложилось, что на факультетах промышленно-гражданского строительства и технология рыбных продуктов обучались в основном дети партийной верхушки, поэтому первое место по любому занимал один из них, вне зависимости от качества выступления. Для подготовки их выступления привели даже оперную певицу.

Факультет Захара подошёл к этому творчески, был написан сценарий на основе сказки «Садко», будто будущий студент попадает в подводное царство в виде нашего института и с честью проходит все испытания, как верный помощник партии комсомолец Садко. Захару досталась ответственная роль старичка-сказочника, который занимал внимание зрителей при смене декораций на сцене при закрытии занавеса. Сказочник подготавливал зрителей к следующему сюжету, открывался занавес, и на фоне новых декораций продолжалось представление.

Выступление студентов факультета Захара зрители приняли бурными овациями, но первое место занял один из выше названных факультетов. Они слишком не заморачивались, встали в два ряда прокричали вразнобой куплеты стихов с протокольными лицами на политические темы, спели пару песен типа «Партия наш рулевой», сильно растягивая рот и особенно выделяя верхние ноты – не зря же приглашали оперную певицу. А при словах песни «Неба утреннего стяг, в жизни важен каждый шаг...», руководство института встало со своих мест, оперная певица дирижировала палочкой из зрительного зала.

Так что студенческая жизнь Захара была ключом, но не обходилась без дел сердечных. Девушка, которая очень нравилась Захару ещё со школы уехала учиться в другой столичный город, но Захару удалось узнать её адрес, и на одной из нудных лекций, он написал ей письмо.

На праздники у Захара выпадало несколько свободных дней, он решил сам съездить в тот город, где училась эта девушка, встретиться с ней и поговорить лично. Однако, оценив скудность денежного запаса своего кошелька, Захар у ребят курсами постарше стал интересоваться, где можно заработать немного денег. Они предложили ему поработать с ними на разгрузке вагонов.

Товарно-сортировочная станция располагалась недалеко от студенческого городка. В обычные дни туда устроиться было довольно непросто, так как штатные грузчики не терпели конкурентов, а вот в предпраздничные дни там наступал настоящий аврал. Студентов для разгрузки вагонов брали с большим удовольствием, платили сразу наличными без лишней волокиты, кроме того там можно было разжиться овощами и фруктами совершенно бесплатно из разбитой тары. Тара билась в таких случаях, как Вы понимаете, регулярно.

Финансы Захара постепенно улучшали своё состояние, он уже смог немного обновить свой гардероб, при этом это не отражалось на его учёбе, а даже немного помогало. Ребята со старших курсов, с которыми ему пришлось работать бок о бок, рассказывали ему все тонкости общения с преподавателями, кто что любит и ценит, а кому совершенно не важно, знаешь ли ты его предмет или нет, достаточно краткого минимума.

Угнетало Захара лишь отсутствие ответа от девушки на его письмо. Не дождавшись ответа на первое письмо, Захар написал второе письмо. Погода поздней осени, начала зимы полностью совпадала с настроением Захара, всё вокруг было серым без весенних красок. Даже листья с деревьев ближайшего парка скукожились и медленно опадали на дорожки прямо под ноги идущего в общежитие Захара.

Один из новых товарищей по разгрузке Славка, заметив настроение Захара, сев рядом в минуты отдыха стал расспрашивать, о чём грустит его друг. Захару пришлось рассказать Славке причину своей печали, но что он рассказал свою историю.

В школе нравилась Славке девушка, была она для него невероятно красива и даже оказывала ему знаки внимания, но уехала учиться в столицу, совсем перестав общаться со Славкой. Она решила, что раз она очень красивая, то зачем ей этот слободской парень. Она мечтала, что как только она выйдет из вагона, то толпы поклонников сразу будут встречать её с букетами цветов, наперебой предлагая руку и столичную прописку. И вот поплывёт она в белом платье, по центральной площади, с охапкой кроваво-красных роз и все вокруг восхищаются её красотой и встречают овациями.

«Пойми, не твоя это девушка, не грусти брат, встретишь ещё ту, что предназначена тебе судьбой!» – сказал Славка и дружески похлопал Захара по плечу. Только со временем Захар

понял смысл выражения: «Всё что с нами случается – случается к лучшему». Так произошло и с этой девушкой, как показала дальнейшая жизнь и говорила бабушка Захара: «Бог отвёл!».

Через некоторое время, ближе к середине лета, Славка предложил Захару обратить внимание на одну симпатичную первокурсницу. Была она астраханка, поэтому в общежитии не жила, а жила с родителями где-то рядом со студенческим городком, что Захара вполне устраивало.

Напротив Главного учебного корпуса располагался Дом профессуры, а перед ним была огромная клумба роз. Розами занимался, специально нанятый ректором садовод-инвалид. С ранней весны до поздней осени он постоянно торчал на этой клумбе, медленно передвигаясь с палочкой от одного куста роз к другому. При таком уходе розы на клумбе были шикарными.

Захар решил познакомиться с первокурсницей необычным образом. Он попросил своего однокурсника отвлечь садовода на некоторое время, быстро подошёл к клумбе и заранее приготовленными ножницами срезал одну из шикарных алых роз, быстро спрятав её под полую своего пиджака.

Стайка первокурсниц стояла перед Главным корпусом и что-то бурно обсуждала. Захар быстро подошёл к девушке, прикрывая цветок от посторонних глаз полую пиджака, вручил ей алую розу. Видели бы Вы её глаза в этот момент и завистливые глаза её сокурсниц. На предложение познакомиться она ответила согласием, и на лице её выступил лёгкий румянец.

После этого Захар с девушкой, которую звали Марина, стали встречаться после занятий. Несколько раз ходили вместе на праздники в студенческий Интерклуб, на институтские дискотеки. Неизбежно приближался момент знакомства с родителями Марины.

Это был очередной удар судьбы. Однажды Марина сказала Захару, что он хорошо знает её маму, так как она работает в институте и преподаёт ему одну из гуманитарных дисциплин. Это был удар равный по силе удару молнии. Как сказали в одном из комедийных фильмов: «Жениться надо на сироте!».

Именно из-за этого преподавателя Захар возненавидел этот предмет, его просто бесил её нудный и стервозный голос. Представьте, что у Вас вместо носа труба, и вы всё время говорите в эту трубу, как нудно произносят англичане слово «прононс».

Бурное воображение быстро нарисовало Захару картину, как будущая тёща ходит вокруг него на кухне и всё время нудит, нудит и нудит. Нет, к такому удару судьбы он не был готов и решил прекратить всякое общение с Мариной, пока дело не зашло слишком далеко.

Случай расстаться подвернулся, кстати, очень быстро, одна из сокурсниц в шутку обняла и поцеловала в щёку Захара на глазах у приближающейся Марины, которая, не дойдя до Захара, повернула обратно. На том и расстались, без долгих объяснений.

Много потом было у Захара встреч и расставаний, мимолётных свиданий при луне, купание душистой ночью в реке, пока в год Московской Олимпиады он не познакомился с молодыми иногородними девчонками, приехавшими на работу в Астрахань. Одна из них впоследствии стала его женой. Всё произошло, как предсказывал ему его друг Славка.

◆ НОЧНОЕ КУПАНИЕ ПРИ ЛУНЕ. ◆

Лунная ночь.

Лето. Астраханская жара сводит с ума. Духота не отступает даже ночью. Всё живое старается поменьше находиться на солнце, даже уличные собаки и кошки ищут тенистый влажный уголок в парке или ближайшей цветочной клумбе.

Тяжелее всего нам – студентам. Подготовка к сдаче летней сессии заставляет много времени проводить в душных аудиториях и читальном зале институтской библиотеки. Кондиционеры в начале восьмидесятых годов для учебных заведений ещё редкая вещь.

Пешеходы на улице Татищева, в дневное время малочисленны, те же, кто вынужден идти куда-то по своим делам, перемещаются от тени к тени стоящих вдоль тротуаров деревьев. Пенсионеры блаженно расселись по скамейкам парка напротив Пединститута, там больше тени от густой кроны деревьев, а главное есть система полива, значительно увлажняющая перегретый астраханский воздух.

От этой изнуряющей жары кажется, что плавятся мозги, каждую строчку в учебнике приходится читать дважды, чтобы понять её смысл. Невольно думается, чего тебе не нравилось бежать от общежития до учебного корпуса зимой? Вот теперь сиди, грейся и чувствуй, как струйка пота бежит от шеи до поясницы, влажным пятном растекаясь по спине рубашки.

В комнате общежития не намного прохладнее, не спасает даже душ, вода успевает нагреваться прямо в трубах, незначительно охлаждая разгорячённое уличной духотой тело. Нет

желания даже идти на обед в институтскую столовую, хотя по определению студент перманентно голоден.

Наконец солнце переваливает за крышу завода «Электрон», это означает, скоро наступит некоторое оживление на улицах. Залают собаки, в парке институтского городка закаркают астраханские «чайки» – вороны. Они здесь живут постоянно и круглогодично, находя себе пропитание в мусорных контейнерах институтской столовой, попутно орошая своим помётом окрестности.

Была такая студенческая забава: в зимнее время, рано утром, когда солнце ещё только окрашивает горизонт на востоке, а сонные студенты и их преподаватели уныло плетутся по дорожкам, проложенным под деревьями и местом ночлега ворон, какой-нибудь обалдуй, с криками и гиканьем пробегает первым. Вороны, пугаясь, резко взлетают, для ускорения облегчая свой вес прямо на головы идущих внизу сонных пешеходов. Тут ничего не остаётся, и студентам, и преподавателям, как бросаться вслед шалопаю, если не хочешь быть отмеченным природой.

Летом другое дело, вороны стремятся тоже забиться поглубже в тень, в густую листву или вообще перебраться поближе к реке, глядишь, разживёшься мелкой рыбкой у зазевавшихся рыбаков или добудешь малька на отмелях. Часто сам наблюдал стайки купающихся ворон на пляже острова Обливной, купаются, потом стоят на ветерке, расправив крылья для просыхания.

Медленно и нехотя опускается на город южная душная ночь. Зажигаются фонари на улицах и парках, гремя на стыках рельс, проплывает под окнами общежития, отбрасывая световые пятна, очередной трамвай. Общежитие тоже оживает, включаются магнитофоны и проигрыватели, из открытых настежь окон льётся мелодия разных стилей и направлений.

Наступившая темнота не спасает от летней духоты и жары. Нет даже надоевших за весну комаров. Они прячутся в густой траве, предпочитая нападать на сонных обитателей города рано утром, перед самым восходом солнца, нудно зудя за ухом и кусая голые ноги.

Спать в такой духоте совсем не хочется и поступает предложение от соседей по комнате пойти на Прямую Болду для купания. Прямая и Кривая Болда – это протоки за Центральным стадионом «Волгарь», самое начало дельты реки Волга. Разделяет их остров Обливной, где находится один из местных песчаных пляжей, излюбленное место отдыха жителей студенческого городка.

В дневное время на остров перевозит всех желающих и живущих там местных жителей речной трамвайчик, но сейчас уже время позднее и переправа закрыта. Это не является преградой для молодых, бесшабашных студентов. Половодье давно закончилось и ширина протоки не более двадцати пяти метров.

Приглашаем девчонок и ребят нашего курса с соседних этажей общежития. Почти все с радостью соглашаются и бегут по комнатам за полотенцами и сланцами, по пути приглашая всех желающих.

Толпа измученных духотой комнат и летней жарой собирается рядом со столиком вахтёра. Вахтёр, добродушная женщина тётя Валя, улыбается, и не грамма не удивившись, предупреждает, что после часа ночи дверь закроет, и мы будем ночевать у подъезда. Но мы знаем тётю Валю, своего студента она всегда пустит, несмотря на обещания и напускную строгость.

Группа «спортсменов в полосатых купальниках», шучу, кто в плавках, кто в купальниках, с накинутыми на плечи полотенцами направляемся через парк Пединститута к Центральному стадиону «Волгарь». На улице уже редкие прохожие понимающе наблюдают за шумной толпой, идущих вприпрыжку студентов по освещённым дорожкам парка.

На территории Центрального стадиона местные собаки вначале всполошились, вопросительно подняв и повернув в нашу сторону мордочки, но затем опять положили головы на при-

мятую траву с выражением на мордочках типа – ходят тут всякие, шумно вздохнув при этом. Сторож стадиона не удостоил нас даже вниманием, продолжив свой сон.

Вот он уже берег Прямой Болды, проходим к бетонным ступенькам, плавно уходящим в воду, бросаем на берегу полотенца и входим в спокойную гладь протоки. Вода мягко обволакивает разгорячённое за день тело нежной прохладой. Отблески береговых огней делают воду почти чёрной. На противоположном берегу сквозь мглу виднеется пляж и растущие на нём заросли тальника.

Тихо без всплесков плывём к пляжу, горизонт неба сливается с водой, границы не видно совсем. В небе сверкают далёкие звёзды, а под тобой фосфоресцирующие точки перемещаются в разные стороны как маленькие блуждающие звёзды. Это светятся глаза рыб. Если тихо замереть на воде и не двигаться, то рыбки начинают щипать тебя за волоски на коже. Совершенно не больно, но очень щекотно, что вызывает смех.

Постепенно берег с пляжем приближается, вот уже под ногами нащупываем песчаное дно, она не ровное, в виде застывших волн. Выходим на песок – какое блаженство после дневного зноя. Над чашей стадиона всходит огромная полная Луна. Она невероятно больших размеров, присмотревшись на ней можно разглядеть чей-то профиль. Всё вокруг начинает отражать серебристо-жёлтый отблеск Луны, по воде побежали искорки лунных дорожек.

Хорошо на душе. Запрокинув голову, смотрю в бесконечную даль звёздного неба, здесь наблюдать за звёздами совсем не мешает свет городских фонарей. Пора в обратный путь. Проведя небольшую перекличку, отправляемся вплавь к ступеням стадиона. Рыбы испугано тараша светящиеся глаза, отплывают в сторону. Теперь мы уже как можно больше шумим и соревнуемся, кто быстрее доплывёт до берега, девчонки радостно визжат и не отстают от ребят.

Накинув полотенца, идём по территории стадиона, собаки уже не реагируют на нас никак, продолжают спать на влажной после полива траве. Утомлённый за жаркий день город уже спит, в окнах нет огней, форточки и балконные двери распахнуты настежь. Трамваи и троллейбусы уже давно в депо, на улице кроме нас никого. Чёрными тенями носятся между деревьями летучие мыши, пытаюсь поймать на лету жучков и мотыльков, которые летят на свет фонарей парка.

Вахтёрша тётя Валя закрывает за нами двери общежития, мы шумно расходимся по своим этажам и комнатам. Нас там ждёт наша долгожданная кровать, уже не кажущаяся такой неудобной и жёсткой. Мы блаженно засыпаем, чтобы завтра опять продолжить подготовку к сдаче итоговых экзаменов.

◆ ТРУДОВОЙ СЕМЕСТР. ◆

Один из трудовых семестров Захару предстояло отрабатывать на Астраханском консервном заводе, заниматься переработкой сельхозпродукции. Перспектива провести летние месяцы в душевной Астрахани не особенно радовала Захара, хотелось смены обстановки, да и дома он уже не был много месяцев.

Один из друзей Захара посоветовал ему узнать в профкоме института о студенческих отрядах, направляемых в другие города и посёлки нашей необъятной Родины. В профкоме института, у знакомой студентки старшего курса, Захар узнал, что формируется студенческий отряд от мехфака для работы на консервном заводе города Ахтубинска, но отправка его планируется лишь через неделю.

Взвесив все за и против, Захар решил, что лучшего больше не стоит ожидать. Жить буду дома, значит о пропитании меньше заботы, да и проезд на железнодорожном транспорте за счёт профкома института тоже не малая привилегия. Требовалось только согласие старшего студенческого отряда.

Старший студенческого отряда, Фатых Измайлович оказался довольно добродушным человеком, он без колебаний дал согласие на зачисление Захара в состав своей команды, при этом строго предупредив о необходимости соблюдать дисциплину поведения и не филонить. Осталось только решить вопрос с нынешним руководителем студенческого отряда Захара.

Чтобы не терять зря целую неделю трудового семестра, Захар записался на курсы тельферистов организованные на Астраханском консервном заводе. Через неделю уже ехал в поезде, в составе студенческого отряда мехфака, имея в кармане удостоверение на право вождения тельфера по территории завода.

Рано утром, наскоро забежав домой, бросив вещи, Захар убежал на построение студенческого отряда и оформления на работу. Глянув на удостоверение тельфериста, начальник отдела кадров только посмеялся, сказав, что у них на заводе только один исправный тельфер и минимум три тельфериста не у дел.

Студентов распределили по бригадам и начались трудовые будни. За проходной завода стояла целая вереница машин, гружённых сельхозпродукцией, растянувшись по всей длине улицы Маяковского. Автомобили и трактора с прицепами были загружены сотнями ящиков с помидорами, перцами, баклажанами, кабачками и морковью, в мешках везли лук.

Бригада Захара состояла из четырёх студентов, двое из которых не горели особым желанием сильно напрягаться на работе. Поселили их, как и остальных студентов отряда, в общежитие при консервном заводе, но по вечерам они уезжали домой в ближайшее село. В середине трудового семестра принесли медсправки о каком-то заболевании: «О воспалении хитрости» – прокомментировал Фатых Измайлович, и пропали почти до конца семестра.

Четвёртый член бригады Сашка, был совершенная противоположность этих двух бездельников. Поэтому часто ему с Захаром приходилось разгружать машины вдвоём.

Обычно один из членов бригады шёл на проходную, где садился в кабину очередной машины и направлял её к месту разгрузки после взвешивания на автомобильных весах, записывая полный вес автомобиля или трактора. Машина занимала своё место у целого ряда огромных ванн, по которым с сильным напором текла вода. Продукция отмывалась, потоком воды продвигалась к транспортёрной ленте, а дальше доставлялась в цех обработки для дальнейших технологических процессов. После разгрузки машину опять загоняли на весы и записывали уже вес всей тары, а полученный вес разгруженной продукции записывали в рапортничку, которую предстояло сдавать в конце рабочего дня учётчику.

Учётчиком был Петрович, высокий мужчина лет сорока пяти. Видя усердие в работе Захара и Сашки, он иногда предлагал добавить поднос поддонов пару километров, работу –

которая тоже оплачивалась. На удивлённый вопрос бухгалтера: «Петрович, у нас вся территория консервного завода пару километров, – Петрович невозмутимо отвечал, – а они кругами поддоны носили, кругами».

Питался Захар следующим образом: завтракал он дома, рано утром шёл на остановку, где его подбирал ведомственный автобус консервного завода, а в обед он шёл в ближайший продуктовый магазин, расположенный напротив проходной завода, где покупал булку свежеспечённого хлеба. Сашка в это время шёл в цех переработки продукции, где работницы разрешали ему набрать пару железных банок только что сваренной кабачковой или баклажанной икры, баночку обжаренной моркови. Банки ещё не прошли закатку и обработку автоклавом, поэтому аромат свежайшей продукции был просто божественный.

Захар с Сашкой усаживались на краю обрыва, за забором консервного завода, ели арomatную и вкуснейшую икру с хлебом и смотрели на речку Ахтуба. После сытного обеда можно было, и поспать с пол часика тут же на травке.

Через реку Ахтуба протянулся железнодорожный мост, по которому локомотив тащил вагоны загруженные солью в речной порт Петропавловки для погрузки её на огромные баржи. Под горой стояло странное сооружение в виде средневековой башни с зубцами вдоль крыши. Это была насосная консервного завода, подающая воду для нужд производства. Вокруг неё рабочие насосной станции организовали небольшой фруктовый сад, благоухающий ранней весной ароматами цветов абрикос, вишни и яблони.

Прямо под территорией консервного завода на воде урчал механизмами плавучий консервный завод, вокруг которого стояли понтоны гружённые ящиками с помидорами. Здесь их перерабатывали на томатную пульпу, из которой готовили томатный сок и знаменитую на весь Советский Союз астраханскую томатную пасту.

После окончания рабочего дня, по заводскому гудку, означавшему окончание очередной смены, Захар с Сашкой шли сдавать рапортничку, умываться, переодеться и на заводском автобусе уезжали домой на ужин. Утром рабочий день опять начинался с заводского гудка.

Отработав пару недель в дневную смену, Захар и Сашка получили предложение от Петровича, поработать на плавучем консервном заводе, но там смены чередовались, нужно было работать одну неделю смены только в ночь, одну неделю смены только в день. Захар с Сашкой согласились, тем более им в бригаду добавили четырёх студенток. Задачей Захара и Сашки было установить понтон с помидорами напротив погрузочной ленты и разгружать ящики в приёмник, а девчонки-студентки стояли контролёрами у транспортёрной ленты и убирали с неё лишний мусор в виде веток и некондиционные помидоры.

Если на транспортёрную ленту попадала мокрая мышь или лягушка, то окрестности оглашались диким визгом и криками девчонок. Мышь или лягушка старались самостоятельно сбегать с транспортёра, но иногда прыгали прямо под ножи измельчителя и превращались, после варки и автоклавирования в ароматный томатный сок или томатную пасту.

Ближе к осени неожиданно зарядили дожди, и продукции стало поступать значительно меньше. К бригаде Захара пришёл Петрович и привёл с собой шесть человек студентов, стал объяснять задачу. Оказывается, в посёлке Старица, скопилось большое количество ящиков с помидорами, а нанятая бригада грузчиков разбежалась и запила на неделю после полученного аванса.

Бригаде предстояло доехать до посёлка на речном буксире, где загрузить хотя-бы пару барж продукцией, чтобы обеспечить работу консервного завода. С самого утра моросил мелкий нудный дождик, на небе не было даже намёка на просветление, холодный туман стелился над самой водой, тёплая каюта речного буксира показалась раем.

Экипаж речного буксира состоял из капитана, механика и матроса, которого после вчерашнего обильного возлияния сегодня одолела мания чистоты. Он всю дорогу усиленно поливал палубу забортной водой, тер её шваброй, кажется, стараясь отмыть её до железа. Один

раз он даже, очевидно от усердия, налил воды даже в сапоги вышедшего на палубу механика. На что тот дико матерясь, скрылся опять в машинном отделении.

Капитан буксира мужественно держался за штурвал буксира и остекленевшими глазами смотрел строго вперёд, за всё время нашего путешествия, не произнеся ни слова. Душное тепло натопленной каюты, мерный стук дизеля окончательно сморил студентов, казалось, они плывут не по реке, а летят на мягких облаках прямо в небеса.

Прибыв, наконец, в посёлок Старица, бригада увидела следующую картину. Пологий берег представлял собой гладкий глиняный каток, по которому не только с грузом, просто подняться было невозможно, чтобы не упасть и не съехать опять до уреза воды. Дождик моросить даже не прекращал.

Ящики с помидорами стояли на самом верху глиняного спуска. Бригада грузчиков сбегала, очевидно, не менее недели назад, так как помидоры в ящиках уже сморщились и осели, местами их покрывала плесень. Вокруг штабелей ящиков с помидорами и внутри их было множество лягушек и полевых мышей. Свежей продукции не было видно нигде от слова совсем, вокруг было сплошное гнильё.

Посоветовавшись, все члены бригады направились к капитану с заявлением, что грузить гнильё, рискуя собственным здоровьем, они не намерены. Капитан молча выслушал говоривших, стеклянным взглядом глядя поверх голов, молча кивнул и скрылся в рубке. Механик, высунув голову из машинного отделения, стал высказывать бригаде, что они не так воспитаны, что он колоски в поле собирал, при этом всё время, посматривая в сторону посёлка. Только тут студенты заметили отсутствие матроса, даже без дела валялась его швабра на берегу.

Прошло где-то около получаса. Наконец, на верху глиняного спуска появилась довольная физиономия матроса. Оступившись на склоне, матрос грохнулся на собственный зад, съехал к самому трапу. Из-под рабочей куртки матроса, выкатились две бутылки мутной жидкости, заткнутые початком кукурузы. Матерная брань матроса и механика слились в едином порыве, капитан молча сверлил стеклянным взглядом неуклюжего матроса.

Обратная дорога прошла гораздо быстрее. Также в тумане они возвращались к пристани консервного завода. Экипажу речного буксира можно было смело служить в разведке, буксир на малом ходу, буквально на цыпочках, подкрался к пристани и затаился – заглушив дизель. Механик шёпотом стал объяснять бригаде студентов, что на завод идти не надо, так как погода не лётная и ходить по реке нет никакой возможности.

Студенты тоже не горели желанием встречаться с руководством завода, поэтому тихо спустились по трапу с борта буксира, при этом перешагнув уснувшего прямо в проходе матроса. Видимо силы окончательно покинули его. Капитан молчал, держась за штурвал, уставившись стеклянным взглядом в одну точку впереди буксира.

Через пару недель трудовой семестр закончился, Захара рассчитали в заводской кассе, выдав заработанную зарплату. Можно было немного отдохнуть перед началом учёбы. Жизнь продолжалась, завод всё так же гудел перед сменами, но уже не для Захара.

В конце девяностых Ахтубинский консервный завод, славившийся своей качественной продукцией, благодаря «мудрому» руководству тогдашней власти, прекратил своё существование, как и множество других предприятий Ахтубинска, был распродан и разграблен. Плавающий консервный завод, как и весь флот завода, лежит на дне реки Ахтуба. От садика при насосной станции, как и от самой станции, остались только живописные руины. Не гудит уже много лет заводской гудок, не зовёт работников на смены. Наступило время базарно-рыночной экономики.

◆ КАСПИЙСКИЙ ТЮЛЕНЬ ТОШКА. ◆

Тюлень Тошка.

По окончании четвёртого курса института, Захару предложили пройти производственную практику в должности лаборанта в составе научно-практической экспедиции. Научная экспедиция направлялась на Главный Банк Волго-Каспийского судоходного канала сроком на полгода.

Оформив соответствующие документы, загрузив продукты питания и научное оборудование, члены экспедиции (как их для краткости называли – научники) отправились из Астрахани на просторы Северного Каспия. Жить и работать им предстояло на брандвахте, которую на буксире тащил за собой штатный институтский катер.

Брандвахта представляла собой двухпалубную баржу, на верхней палубе размещалось несколько небольших кают для руководства экспедиции, объёмные кладовые, туалет, камбуз и довольно вместительная кают-компания. В кают-компании научники принимали пищу и на широких столах разместили необходимое для работы экспедиции оборудование.

На нижней палубе, ниже ватерлинии, размещались в два ряда все остальные каюты для проживания остальных членов экспедиции и машинное отделение с дизель генератором,

который обеспечивал электроэнергией работу научного оборудования экспедиции. В дневное время и ночью освещение помещений и работа ходовых фонарей брандвахты осуществлялась от нескольких аккумуляторных батарей.

В одной из кают нижней палубы Захар оборудовал себе для работы небольшую лабораторию, здесь же он разместил и своё жильё. Немного пахло соляжкой из машинного отделения, от чего сюда не совали свой длинный нос комары, можно было спать совсем без марлевого полога. Кроме того, здесь было довольно прохладно в летние месяцы и значительно теплее в холодное время года, чем в каютах верхней палубы.

Ночью, если на море не было шторма, Захар открывал иллюминатор, морской воздух, ночные звуки и тихий шёпот струящейся вдоль борта воды заполняли его каюту. Первое время очень мешал дикий хохот большой чайки Мартын-хохотун. Только начинаешь засыпать и вдруг посреди ночи слышишь: «Как-как-как Ах-ха-ха-ха-ха!!!!».

Брандвахта встала на якорь у острова, частично заросшего рогозом и тальником. На вершине его стоял небольшой маяк, флегматично мигающий белым фонарём в ночное время. Часть острова занимала обширная песчаная коса, которую облюбовали под своё гнездовье малые чайки. Прямо в песке они делали небольшое углубление, выстилали его травинками и пёрышками, на которые откладывали три-четыре небольших пёстрых яйца.

Задачей научной экспедиции было изучение влияния дноуглубительных работ на жизнь гидробионтов. Чтобы танкеры с грузом из Каспия могли беспрепятственно проходить по Волго-Каспийскому каналу, его постоянно углубляли и чистили несколько земснарядов. В районе работы экспедиции работали два земснаряда: «Урал-1» и «Пятьдесят лет Советскому Азербайджану».

Раз в пять дней научники на моторных лодках отправлялись вдоль канала, где в определённых точках брали пробы грунта, воды и совершали контрольные обловы. Затем весь полученный материал обрабатывался и фиксировался в течение нескольких суток, результаты анализа заносили в базу. В свободное время можно было купаться, загорать или совершать прогулки по острову.

Особенно интересно было пройтись по берегу острова после очередного шторма. Вода выносила различные предметы и вещи. Только там Захар узнал, что семена лотоса по вкусу напоминают тыквенные семечки. Розетки с семенами лотоса вода стала выносить ближе к осени, как и колючие плоды водяного ореха Чилим.

Противоположная сторона острова граничила с довольно протяжённой подводной канавой, так называемой бороздиной, по которой идёт основной ход рыбы из глубоководной части Каспия на придельтовое мелководье. После шторма члены экспедиции нашли там труп огромной белуги. Глаз её был больше донца гранёного стакана, весила она столько, что два человека не смогли её даже перевернуть на брюхо, так она и лежала до очередного шторма, который её смыл и унёс в глубины Каспия. Погибла она, скорее всего от того, что её хвостовой плавник попал по винт морского корабля и держался только на куске шкуры.

Однажды ночью Захара разбудили странные звуки, как будто кто-то решил искупаться в ночи. Кто-то плещется и довольно фыркает рядом с брандвахтой. Поднявшись на слабо освещённую верхнюю палубу, в лунной дорожке света, он обнаружил ночного купальщика. Им оказался небольшой каспийский тюлень.

С тех пор он стал часто посещать наше место стоянки ночью. Особенно его фыркание и довольное урчание было хорошо слышно во время полного штиля на море. Днём он пропадал и почему-то держался отдельно от других тюленей, которые никогда не подплывали так близко к нам в отличие от него.

Между собой члены экспедиции уже присвоили ему имя Тошка, каждый вечер ждали его появления у борта брандвахты. В очередной раз, угощая его припасённой рыбой, Захару удалось немного рассмотреть его. Тошка был с одним глазом, через второй шёл довольно глу-

бокий шрам, вдоль всего тела тоже шёл ряд зарубцевавшихся шрамов. Видимо по воле случая любопытный тюлень Тошка попал под винты моторной лодки.

Гуляя днём вдоль песчаной косы острова, за одним из барханов Захар увидел на песке загорающего Тошку. Тихо подобрался поближе, с той стороны, где у него отсутствовал глаз, он осторожно выглянул из-за бархана. Кроме повреждений на шкуре и голове тюленя, Захар увидел, что вокруг его задних лап намотана часть синтетической сети, ячея которой уже довольно глубоко врезалась в тело.

Надо было помочь пострадавшему животному. Вернувшись на брандвахту за ножом, Захар позвал с собой матроса дядю Мишу, он всё равно изнывал от безделья, как в том фильме «измученный нарзаном». Вдвоём они тихо подобрались к месту лёжки тюленя и осторожно стали наблюдать за тюленем из-за бархана.

Тошка очевидно что-то почувствовал, он поднял голову, понюхав воздух, глухо заворчал. Дождавшись, когда он успокоится, Захар и его помощник резво выскочили из своего укрытия и бросились к тюленю. Тошка вскочил и попытался ускакать по мокрому песку в спасительные воды, но: «От нас не уйдёшь!». Захар с дядей Мишей навалились на него, вот тут-то он и увидел, что у тюленя во рту огромные зубы, не меньше чем у собаки. Захар, конечно, немного оторопел, но дядя Миша старый рыбак, он схватил тюленя за задние лапы и потащил подальше от воды. Как не извивался тюлень, чтобы цапнуть дядю Мишу зубами, но дотянуться до него не мог.

После того, как спасители накинули Тошке на переднюю часть тела тёмную рубашку дяди Миши, он успокоился и прекратил попытки к побегу. Дядя Миша держал тюленя за переднюю часть, а Захар приступил к осмотру ран на теле. Кусок синтетической сети срезал ножом, но рана под ней была довольно глубокая и грозила нагноением, поэтому было решено отнести его на брандвахту и обработать все раны имеющимся антисептиком.

Тошка, почувствовав облегчение после удаления остатков сети, вёл себя спокойно, только громко кряхтел и ворчал. Доставка его на борт брандвахты заняла у команды спасителей довольно много времени – это отдельная история. На брандвахте они обработали раны тюленя антисептиком, сделали с ним несколько фотографий и отпустили в родные воды.

После этого, Тошка стал появляться у борта брандвахты даже днём. Его одноглазая голова часто наблюдала, как научники разделяваем пойманную рыбу и никогда не отказывался от предложенного ему угощения. Ночные купания и фырканыя у иллюминатора каюты Захара продолжались до осени, каждый раз вызывая улыбку на его лице.

Последний раз он видел Тошку за неделю до окончания научной экспедиции, потом было уже не до него, предстояло собрать всё оборудование, свернуть свою лабораторию, систематизировать материалы исследования. На основе этих материалов Захар подготовил свой дипломный проект.

Бывая во время летнего отдыха на Черноморском побережье, Захар теперь невольно вглядывается в буруны волн – не появится ли среди них одноглазая голова тюленя! Хотя в мыслях понимает, в Чёрном море каспийских тюленей нет. Как сложилась твоя судьба, Тошка?

◆ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ В ЛАТВИЮ. ◆

Подходил к концу пятый курс института, уже прошла защита диплом, приближалось время трёхмесячных сборов стажировки на военной кафедре с последующей сдачей экзаменов. Оставалось впереди ещё одно важное мероприятие – это выбор будущего места работы, так называемое распределение.

Списки с предложением рабочих мест уже были вывешены на доске документации у деканата. Каждый студент подходил и знакомился со списком, небольшими группами обсуждали достоинства и недостатки предложений. Знакомился со списками и Захар, но ему уже нужно было думать не только о себе, а ещё учитывать тот факт, что в его молодой семье скоро ожидается пополнение.

Захара с малых лет родители воспитывали так, что если ты взял на себя ответственность, то должен нести её до конца, какие бы трудности не возникали на твоём пути. Поэтому помня о своей молодой семье, Захар выбирал будущее место работы с учётом жилья. Молодую супругу с новорождённым не привезёшь в чистое поле в незнакомую местность, да и вообще в неизвестность.

Среди предложенных мест работы было не так много с обеспечением жилой площадью. Выбор Захара пал на рабочее место в Латвии в распоряжении «Балтрыбпрома», где предлагалось место в самом управлении с выделением ведомственного жилого помещения.

Ехать на разведку Захар решил один, жена в это время готовилась к предстоящим родам. Отправившись вечером с Рижского вокзала Москвы, утром Захар уже был в Риге. Особых впечатлений Рига на Захара не произвела, обычный старый город, с переплетением узких улочек, тот же растрескавшийся асфальт, как и везде, местами остатки бульжной мостовой. Домский собор с вялотекущим ремонтом и хвалёным органом, Собор Святого Петра с выгоревшим на солнце шпилем колокольни, а вот вантовый мост через Даугаву действительно достойное сооружение.

Управление «Балтрыбпрома» находилось недалеко от вантового моста по улице Пилс, где Захара встретила начальник отдела кадров и как-то вся засуетилась, забежала по кабинетам. Вернувшись в свой кабинет, начальник отдела кадров предложила пройти с ней к начальнику, который высокомерно, что-то буркнув на приветствие, без лишних слов предложил Захару проехать в город Кулдигу на рыбхоз Пелчи, где его будет ожидать будущее место работы.

Такое предложение возмутило Захара, ведь в направлении было чётко указано место работы Рига, но он решил пока не высказывать своего возмущения, а разобраться на месте что к чему. Автобус до Кулдиги шёл только завтра с утра и Захару предложили переночевать на рыболовецком сейнере у базы Волери.

Добравшись уже в полной темноте до базы, Захар увидел стоящие у самого пирса два сейнера. На заводских табличках Захар увидел, что оба они построены на одной из Астраханских судоверфей. «Будет ночевать почти в родных краях», – улыбнувшись, подумал Захар. Вахтенный без разговоров указал Захару свободную каюту, выдал постельное бельё и предложил поужинать в кают-компании сейнера. Захар выпил стакан чая, а от остальной еды вежливо отказался, его переполняли чувства от произошедших за последнее время с ним событий, поэтому о еде он даже не думал.

Утром Захар отправился в неизвестность, накрапывал нудный дождик, солнце скрылось за низкими облаками, всё тонуло в мокрой хмари. Захар сделал странное замечание, как только автобус выехал за пределы Риги, пассажиры автобуса стали общаться только на латышском, хотя буквально пять минут назад мирно говорили на хорошем русском языке.

Захару оставалось только смотреть в окно и наблюдать осенний грустный пейзаж. Кулдига встретила Захара проливным дождём, с зонтов пешеходов за окном лились сплошные

потоки воды. На вопрос Захара, скоро ли будет остановка на автостанции, соседние пассажиры молча пожимали плечами. Водитель остановки вообще не объявлял. Выйдя из автобуса, как ошибочно решил Захар на автостанции, он оказался один на остановке посреди незнакомого города. Вышедшие с ним на остановке пассажиры быстро растворились в пелене дождя, совершенно не реагируя на его обращения к ним, а автобус уже уехал. Скопления автобусов на площади оказалось стоянкой, перед каким-то заводом ведомственного транспорта.

Раскрыв зонт, Захар побрёл в след ушедшему автобусу, понуро опустив голову. Проходя около вино-водочного магазина, Захар чуть не столкнулся с вышедшим из магазина, слегка помятым, плохо побритым мужичком. На вопрос Захара, в какой стороне автостанция, мужичок предложил показать дорогу до автостанции, так как ему всё равно в ту сторону идти до ближайшей дыры в заводском заборе, так как с бутылкой через проходную ему, всё равно не пройти. По пути разговорились, оказалось, что он трудится на местном заводе «Вулкан» слесарем, а вчера провожал коллегу в армию, поэтому сегодня «душа горит».

Когда подошли до едва заметной дыры в заборе, прикрытой со стороны улицы кустом шиповника, попутчик Захара указал на стоящее в конце улицы здание, махнул на прощание и скрылся за забором. Сквозь мокрый туман уже можно было различить стоящие там автобусы и легковые машины такси. Подойдя к зданию автовокзала, Захар первым делом решил взять билет на обратный рейс, так как ночевать здесь у него не было никакого желания.

Подойдя к открытой кассе, Захар протянул деньги и вежливо попросил дать ему билет до Риги на рейс через два часа. Кассир ответила ему что-то на латышском, Захар извинился и попросил ответить ему на русском языке, на что кассир, побагровев, что-то прокричала и захлопнула окошко кассы. Без перевода из её набора звуков было понятно, что она типа собачьи не понимает.

Ладно, подумал Захар, как-нибудь разберёмся с этой незадачей. Выйдя из здания вокзала, он направился к стоящему у вокзала такси. За рулём сидела молодая женщина водитель и беседовала на латышском языке со своей подругой, а дождь лил всё сильнее и сильнее.

Захар спросил у неё, может ли она отвезти его на рыбхоз Пелчи, на что она мило улыbnувшись, попросила подождать, так как ожидает клиента, который отошёл к кассам автовокзала. Через пару минут такси подъехало к Захару и быстро понесло Захара по мокрому шоссе к месту назначения. Ехать пришлось не сильно далеко и по прибытию на место, девушка водитель предложила Захару вначале узнать, есть ли кто в конторе рыбхоза, кто ему нужен, иначе отсюда до города ему будет трудно выбраться, а она его может подождать.

В конторе рыбхоза на месте оказался главный рыбовод Илмар, он же заместитель ушедшего в глубокий запой директора рыбхоза – старого Пелчиса. Отпустив такси, Захар стал расспрашивать заместителя директора Илмара об условиях работы и жилья. Из беседы Захар узнал, что рыбхоз был построен ещё при немцах, снабжается водой из родников, выращивают форель, но количество продукции постоянно уменьшается, так как пруды уже сильно заилены, родники снизили свою производительность больше чем в два раза. В качестве жилья могут предложить ему комнату в конторе, ранее там располагался Красный уголок.

Илмар предложил посмотреть на месте состояние прудов и состояние жилья. Пруды напоминали больше большие мелкие лужи с кучками извести по всей площади каждого из прудов. Предложенная под жильё комната оказалась совсем без удобств, без водопровода и почти без печного отопления.

Большая каменная печь располагалась в коридоре одноэтажного барака, в котором отсутствовала даже входная дверь, в комнату выходила только одна стена печи с топкой, по углам комнаты на стенах были заметны мокрые полосы от протекающей крыши. Комнату делила на две неравные части перегородка из стеклоблоков. Воду можно было таскать ведрами из колодца на соседней улице.

На вопрос, где здесь можно приобрести дрова для отопления, Илмар ответил, что об этом надо лично договариваться с местным лесником, что очень сложно, лучше иметь несколько электрических обогревателей. Чем дольше разговаривал Захар с Илмаром, тем больше понимал, что здесь ему делать нечего, здесь у него не будит никаких перспектив.

За продуктами питания и хорошей одеждой, по субботам, все ездят в морской город Клайпеду на рынок или портовые магазины. В самом посёлке магазинов нет, а за всем необходимым надо ехать на автобусе в Кулдигу. Детского сада или яслей тоже нет, есть только развалины замка на горе. Местное население не слишком любезно к приезжим, так что Захару надо решать самому – стоит ли оставаться здесь для работы.

Да и Илмар был достаточно откровенным человеком, ему самому не нравится нынешнее положение в Латвии. Местная партийная верхушка погрязла в коррупции и кумовстве, а смотря на это, поднимают голову различные бывшие нацисты и русофобы. Тут Захар рассказал Илмару о случае с неудачной покупкой обратного билета, на что Илмар сказал, что все учились в русской школе, всё понимают, просто отказывают из-за вредности и русофобии. Он согласился помочь Захару с покупкой билета, как раз сейчас, буквально через двадцать минут, через посёлок рыбхоза едет автобус на автостанцию Кулдиги.

Покупка обратного билета до Риги заняла у Илмара буквально пару минут, в станционном буфете он всё равно собирался купить пару бутылочек Пепси-Колы. Поблагодарив его за помощь и откровенный разговор, Захар остался на станции ожидать отправления своего автобуса до Риги. Дождь, ливший до этого весь день, неожиданно закончился. Выглянуло солнце, клонившееся к закату, это был верный знак, что Захар поступает правильно.

В Ригу Захар вернулся поздно ночью, знакомым автобусным маршрутом добрался до места ночлега, а с раннего утра уже был у кабинета начальника отдела кадров. Тут началось самое интересное. Начальник отдела кадров, узнав, что Захар отказывается от предложенного ими места работы, опять засуетилась, забежала по кабинетам. Потом созвав совещание, она предложила подождать Захара в комнате у каких-то управленцев.

Сидящий за одним из столов работник управления тихо начал разговаривать с Захаром. Он поддержал его, сказав, что Захар правильно делает, что не соглашается на предложенное место, так как место его настоящего распределения начальник отдела кадров, с разрешения начальника управления отдала своему родственнику, недавно закончившему ветеринарный техникум, поэтому она теперь так суетиться. Его самого обманули так несколько лет назад, загнав на один из рыбхозов в барак с протекающей крышей. Теперь его дети все астматики и у него самого хронический гайморит.

Тут в кабинет забежала вся раскрасневшаяся начальник отдела кадров и пригласила Захара пройти в кабинет начальника управления. Работник управления показал Захару жестом – держись.

В кабинете начальник управления сидел чернее тучи в парадном мундире с позументами, прямо с порога, не предложив даже присесть Захару, начал страшать, повысив голос до крика. Чем типа тебе не нравятся условия, что у них есть ещё рыбхозы, где полностью отсутствует электричество, и работники там сидят с керосиновыми лампами, что он сам начинал жить в бараке с общей кухней. На что Захар спокойно ответил, что этим начальнику не нужно хвататься на семидесятый год Советской власти.

От неожиданности начальник резко замолчал, а кадровик покрылась бурыми пятнами, тихо подав голос, что они будут вынуждены звонить в Москву Министру рыбной промышленности СССР по вопросу отказа. Захару уже нечего было терять, он принял решение и шёл на всё до конца.

До Министра дозвонились сразу. Кадровик подобострастно елеиным голосом сообщила министру, что у них работник отказывается работать на рыбхозе, на что Министр был краток: «Уволить за прогулы!». Тут кадровик заюлила: «Понимаете, ведь мы его ещё не оформили

и не приняли в штатное расписание». На что Министр, также кратко ответил: «Вы чего мне голову морочите тут, если не оформлен, то пусть приезжает в министерство для перераспределения!».

Захар молча забрал из рук кадровика свои документы, помахал ручкой на прощание совершенно обалдевшему, изумлённо вскинувшему брежневские брови, начальнику управления и со спокойной совестью направился на железнодорожный вокзал, покупать билет на ближайший поезд до Москвы.

За неплотно закрывшейся дверью начался дикий ор начальника управления и оправдывающийся лепет начальника отдела кадров, но эти разборки уже мало волновали Захара. Он направился в ближайшее кафе, внезапно нахлынувшее чувство голода дало о себе знать неожиданно и неотвратимо. До отправления поезда ещё оставалось около половины дня.

Дальнейшие события в стране показали, что тогда Захар поступил правильно и не о чём не жалел впоследствии. На память о поездке в Латвию остались очень редкие книги по аквариумистике на латышском языке.

В Москве Министр рыбной промышленности СССР направил Захара в Министерство рыбного хозяйства РСФСР, так как в Минрыбпроме СССР распределение только по союзным республикам, а там уже тогда был такой бардак с национальными кадрами. В Минрыбпроме РСФСР с жильём оказалось только одно место в «Курскрыбпроме» на зональном экспериментальном рыбопитомнике «Железногорский».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.